

18+

Александр Солин
(переводчик)

ПОЭТИЧЕСКИЕ
переводы
с французского

Александр Солин

Поэтические переводы с французского

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66171420
ISBN 9785005519337*

Аннотация

В настоящий сборник вошли переводы стихов французских поэтов преимущественно второй половины XIX, начала XX веков. Среди них как титулованные, так и малоизвестные нашему читателю поэты. По замыслу это должно придать сборнику не только представительство, но и глубину. Переводам предшествуют краткие статьи разных лет, которые, надеюсь, дадут представление о тех трудностях, что поджидают добросовестного переводчика на пути достижения посильной адекватности перевода оригиналу.

Содержание

Поэтические переводы с французского	5
П Е Р Е В О Д Ы	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Поэтические переводы с французского

Редактор и переводчик Александр Солин

ISBN 978-5-0055-1933-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэтические переводы с французского Предисловие

Нет в литературном деле более спорной области, чем поэтический перевод. В отличие от прочих литературных практик трансформация поэтического текста из одной языковой системы координат в другую отличается стойким, ярко выраженным антагонистическим подходом. Есть две школы, одна из которых считает необходимым и достаточным передачу удобным способом идей и смыслов, заключенных в стихе, в то время как другая настаивает на максимальном сохранении формирующих стихотворение элементов, видя главное достоинство перевода в его максимальной близости к оригиналу. Первому подходу свойственна вольность, второму – строгость. Свои позиции представители обеих школ аргументируют по-разному. Первые пекутся о ритмической и фонетической гладкости перевода, строя его по поэтическим лекалам родного языка, у вторых на первом месте точность, часто в ущерб музыкальности. У тех и у других свои авторитеты со своими несовместимыми мнениями. Вот что, например, писал В. Набоков в защиту второго подхода:

«Следует раз и навсегда отказаться от расхожего мнения, будто перевод „должен легко читаться“ и „не должен

производить впечатление перевода“ (вот комплименты, какими встретит всякий бледный пересказ наш критик-пурист, который никогда не читал и не прочтет подлинника). Если на то пошло, всякий перевод, не производящий впечатление перевода, при ближайшем рассмотрении непременно окажется неточным, тогда как единственными достоинствами добротного перевода следует считать его верность и адекватность оригиналу. Будет ли он легко читаться, это уже зависит от образца, а не от снятой с него копии»

В ответ адепты первой школы называют переводы оппонентов «бескрылыми». Причисляя себя к последователям Набокова, я исхожу из того, что ответственность перед читателем есть первая и единственная добродетель переводчика. При этом я прекрасно сознаю, что точность перевода принципиально ограничена, и это делает практику перевода особым, отдельным от поэтического творчества искусством. Вдохновение переводчика должно быть совсем другого сорта, чем вдохновение поэта. «Переводы – это нива полубессознательного» – утверждал Набоков. Рискну утверждать, что самые неудачные с точки зрения адекватности переводы делаются поэтами, для которых оригинал лишь отправная точка их поэтической фантазии. Не следует ждать ничего хорошего и от тех, кто использует для перевода подстрочник, не владея при этом языком оригинала. Импровизации в этом деле неуместны. Замечу попутно, что вольный перевод совсем не работает там, где смысл вплетен в словесную вязь

и без нее не существует.

Чтобы окончательно все запутать, приведу резюме позднего Набокова, приписанное им герою романа «Ада»:

«Он затруднялся сказать, кто ему отвратительнее: добронамеренная посредственность, чьи потуги на верность разбиваются как об отсутствие артистического чутья, так и об уморительные ошибки в толковании текста, или профессиональный поэт, украшающий собственными изобретениями мертвого, беспомощного автора (приделявая ему там бакенбарды, тут добавочный детородный орган) – метод, изящно камуфлирующий невежество пересказчика по части исходного языка смешением промахов пустоцветной учености с прихотями цветистого вымысла».

Во многом соглашаясь с В. Набоковым, от себя добавлю следующее: на оригинал стиха следует взирать, как на поданного иностранного литературного государства и обращаться с ним по всем правилам дипломатии – то есть так, чтобы перевод его на другой язык превращался не в принудительную адаптацию, а был бы, как и сама дипломатия, искусством возможного.

В настоящий сборник вошли переводы стихов французских поэтов преимущественно второй половины XIX, начала XX веков. Среди них как титулованные, так и малоизвестные нашему читателю поэты. По замыслу это должно придать сборнику не только представительство, но и глу-

бину. Желая настроить читателя на ответственное восприятие моих трудов, я предварил свои переводы краткими статьями разных лет, которые, надеюсь, дадут представление о тех трудностях, что поджидают добросовестного переводчика на пути достижения посильной адекватности перевода оригиналу.

Еще раз о трудностях перевода

Основная проблема стихотворного перевода заключается в том, что выверенное, вымеренное, доведенное до совершенства стихотворное изделие является для переводчика не более чем заготовкой, и ничем другим быть не может. Отсюда первейшая задача переводчика: зажав чужую заготовку в тисках родного языка постараться повредить ее при обработке как можно меньше.

Хотел бы сделать вас участниками увлекательного и неблагодарного занятия, каким является стихотворный перевод. Отправной точкой послужит нам статья в журнале «Иностранная литература» №9 за 2000 год. Статья эта примечательна тем, что в ней кроме толковых рассуждений о творчестве Ш. Бодлера приведены пять переводов его стихотворения «Une charogne» («Падалъ») из цикла «Цветы зла», степень и качество обработки которых я и хотел бы вместе с вами оценить. Для этого нет нужды сравнивать все двенадцать четверостиший, достаточно взглянуть на первое

и последнее. Желающие ознакомиться с полными текстами переводов могут обратиться к вышеуказанному источнику. Нам же по причине экономии места довольно того описания, что приводится в статье:

«Содержание „Падали“ достаточно просто: первые девять четверостиший посвящены детальному описанию разлагающегося трупа, в последних трех поэт, обращаясь к своей возлюбленной, говорит о том, что и ей суждено истлеть в земле, но она останется в его стихах и силой его дара избежит забвения».

Итак, вот переводы первого четверостишия:

Было ясное утро. Под музыку нежных речей
Шли тропинкою мы; полной грудью дышалось.
Вдруг вы вскрикнули громко: на ложе из жестких камней
Безобразная падаль валялась...

(П. Якубович, 1909г)

Скажи, ты помнишь ли ту вещь, что приковала
Наш взор, обласканный сияньем летних дней,
Ту падаль, что вокруг зловонье изливала,
Труп, опрокинутый на ложе из камней.

(Л. Кобылинский, 1908г)

Вы помните ли то, что видели мы летом
Мой ангел, помните ли вы
Ту лошадь дохлую под ярким белым светом
Среди рыжеющей травы?

(В. Левик, 1970г)

Мы видели ее в один из летних дней
Мой друг, напоминать вам надо ль?
Тропинка, поворот, и там, среди камней
Та отвратительная падаль

(И. Бабицкий, 1999г)

Ты помнишь, жизнь моя, как позднею весною,
Когда так ласкова заря
Нам падаль жалкая предстала в луже гноя
На жестком ложе пустыря?

(А. Гелескул,?)

А вот подстрочник первого четверостишия:

Вспомните предмет, что мы видели, моя душа,
Этим прекрасным, нежным, летним утром:
На повороте тропы – отвратительная падаль

На ложе, усеянном камнями.

(Rappelez-vous l'objet que nous vîmes, mon ame,
Ce beau matin d'été si doux:
Au détour d'un sentier une charogne infame
Sur un lit sème de cailloux)

Несмотря на разночтение, смысл всех переводов сводится к одному: лирический герой и его спутница увидели на прогулке труп (будем надеяться, что животного), который и послужил им пищей для размышлений. Следует также отметить, что размер оригинала сохранен только в двух случаях из пяти. Остальные переводчики пренебрегли размерами заготовки, а это непозволительная вольность.

Далее. Отметим, что в подстрочнике не упоминается музыка нежных речей, там никто не дышит полной грудью и громко вдруг не вскрикивает. Там нет дохлой лошади среди рыжеющей травы, ни поздней весны, когда так ласкова зоря, а есть «моя душа», то есть, спутница, предмет обожания, и прекрасное, нежное, летнее утро, которое входит в стремительный и отвратительный конфликт с разлагающимся трупом. Кроме того, интонация четверостишия не вопросительная, а скорее, требовательная, и это важно.

Можно ли перевести четверостишие так, чтобы сохранить эти и другие ключевые элементы лексики? Давайте попробуем. Вот мой вариант:

Припомните, что мы, душа моя, узрели
В один из чудных, летних дней:
Где поворот крутой тропы, как на постели
Смердела падаль средь камней

Как видите, мне не удалось добиться лексического тождества, которое, по моему мнению, одно только и может вдохновлять переводчика. Вместо утра – дни, и эта уступка, с которой я вынужден мириться. Я, но не вы. Вы можете попробовать довести строфу до совершенства.

Далее минуем шокирующие, неподражаемые, архисмелые, невообразимые для поэзии той эпохи подробности разложения и переходим к последнему четверостишию, которое венчает стихотворение, и где согласно традиции середины 19-го века должно совершаться поэтическое открытие. Вот как прочитали его пятеро наших переводчиков:

Так скажите ж червям, что сползутся в свой срок
Пожирать ваши ласки на тризне ужасной
Что я душу любви моей мертвой сберег,
Образ пери нетленно-прекрасный!

(П. Якубович)

Но ты скажи червям, когда без сожаленья

Они тебя пожрут лобзанием своим
Что лик моей любви, распавшейся из тленья,
Воздвигну я навек нетленным и святым!

(Л. Кобылинский)

Скажите же червям, когда начнут, целуя,
Вас пожирать во тьме сырой,
Что тленной красоты – навеки сберегу я
И форму, и бессмертный строй!

(В. Левик)

Скажите же червям, что страстно иссосут
Ваш облик, как огонь поленья,
Что я сберег векам и душу и сосуд
Моей любви, добычи тленья!

(И. Бабицкий)

Когда голодный червь вопьется поцелуем,
Скажи нахлебнику могил,
Что я от гибели, которой не минуем,
Твое дыханье сохранил.

(А. Гелескул)

И снова подстрочник:

Итак, моя краса! Скажите паразитам
Которые, целуя, вас сожрут
Что я сохранил форму и божественную сущность
Моих истлевших страстей!

(Alors, o ma beaute! dites a la vermine
Qui vous mangera de baisers,
Que j'ai garde la forme et l'essence divine
De mes amours decomposes!)

И опять наши переводчики, имея одну и ту же заготовку, делают с ней, что кому вздумается. Тут и «образ перитленно-прекрасный», и «лик моей любви, распавшейся из тленья», и «тленная красота», и «бессмертный строй (?)», и «дыханье сохранил», и навязчивые «навек», «навекки», «векам», и прочие домыслы!

По моему мнению, не дело переводчика толковать и переводить смыслы. Его дело – по мере сил сохранять лексику оригинала, и если это сделано, то смысл сам проступит на поверхность, как переводная картинка. Вот вариант моего перевода:

Итак, моя краса, пусть знает червь сосущий,

Чьи губы вас сожрут впотьмах,
Что сохранил я вид и свет от Бога сущий
Моих страстей, истлевших в прах!

Таким образом, у нас нет оснований думать, что «поэт, обращаясь к своей возлюбленной, говорит о том, что и ей суждено истлеть в земле, но она останется в его стихах и силой его дара избежит забвения». На самом деле поэт эгоистичен и неучтив и мало того что, поручая своей спутнице передать его мнение червям, рассчитывает очутиться «впотьмах» позже нее, так еще и намерен сохранить не суть и облик чьей-то посторонней плоти, а форму и божественную суть только своих собственных страстей. Именно такие бесцеремонные откровения, как это и придают «Цветам зла» их неповторимый, вызывающе-дерзкий аромат.

Не напрашивается ли из приведенного примера вывод, что очень часто, читая переводы стихов и прозы, мы вынуждены принимать за художественную истину то, что на самом деле таковой не является?

Поль Верлен, «На серой равнине»

Ниже приведен отрывок из знаменитой статьи Льва Толстого «Что такое искусство?», где он обрушивается на стихотворение Поля Верлена, данного в переводе В. Брюсова:

«По тоске безмерной,
По равнине снежной,
Что блестит неверно,
Как песок прибрежный?
Нет на тверди медной
Ни мерцанья света.
Месяц глянул где-то
И исчез бесследно.
Как сквозь дым летучий,
На краю равнины
Видятся вершины
Бора, словно тучи.
Нет на тверди медной
Ни мерцанья света.
Месяц глянул где-то
И исчез бесследно.
Чу! кричат вороны!
Воет волк голодный,
Здесь, в степи холодной,
Властелин законный!
По тоске безмерной,
По равнине снежной,
Что блестит неверно,
Как песок прибрежный?

Как это в медном небе живет и умирает луна и как это
снег блестит, как песок? Все это уже не только непонятно, но,

под предлогом передачи настроения, набор неверных сравнений и слов. Прежде чем привести примеры из других поэтов, не могу не остановиться на удивительной знаменитости этих двух стихотворцев, Бодлера и Верлена, признанных теперь великими поэтами. Каким образом французы, у которых были *Chenier*, *Musset*, *Lamartine*, а главное *Hugo*, у которых недавно еще были так называемые парнасцы: *Leconte de Lisle*, *Sully Prud'homme* и др., могли приписать такое значение и считать великими этих двух стихотворцев, очень неискусных по форме и весьма низких и пошлых по содержанию? Миросозерцание одного, Бодлера, состоит в возведении в теорию грубого эгоизма и замене нравственности неопределенным, как облака, понятием красоты, и красоты непременно искусственной. Бодлер предпочитал раскрашенное женское лицо натуральному и металлические деревья и минеральное подобие воды – натуральным. Миросозерцание другого поэта, Верлена, состоит из дряблой распушенности, признания своего нравственного бессилия и, как спасение от этого бессилия, самого грубого католического идолопоклонства. Оба притом не только совершенно лишены наивности, искренности и простоты, но оба преисполнены искусственности, оригинальничанья и сомнений. Так что в наименее плохих их произведениях видишь больше г-на Бодлера или Верлена, чем то, что они изображают. И эти два плохие стихотворца составляют школу и ведут за собою сотни последователей».

Не думаю, что Льву Николаевичу, в совершенстве владевшему французским, требовался перевод, но он точно требовался читателям. К сожалению, из перевода Брюсова исчезла оригинальная лексика, а главное, исчез оригинальный размер, который подобно безжалостному пульсирующему насосу наполняет тело стиха категорически-безысходным, истинно верленовским настроением. Надеюсь, мой перевод восполняет этот недостаток:

На серой равнине
Бескрайней, как скука
Свет ветхого снега
Схож с цветом пустыни.

На небе из меди
Ни зги, ни просвета,
Как будто мы видим
Смерть лунного света.

Дубы чередой
Плывут величаво
Из ближней дубравы
Сквозь воздух сырой.

На небе из меди

Ни зги, ни просвета,
Как будто мы видим
Смерть лунного света.

Ты, ворон голодный,
Вы, волки худые,
Что шлет, вестовые,
Вам ветер холодный?

На серой равнине
Бескрайней, как скука
Свет ветхого снега
Схож с цветом пустыни.

(Paule Verlaine)

Dans l'interminable
Ennui de la plaine,
La neige incertaine
Luit comme du sable.

Le ciel est de cuivre
Sans lueur aucune,
On croirait voir vivre
Et mourir la lune.

Comme des nues
Flottent gris les chenes
Des forets prochaines
Parmi les buees.

Le ciel est de cuivre
Sans lueur aucune,
On croirait voir vivre
Et mourir la lune.

Corneille pousive
Et vous les loups maigres,
Par ces brises aigres
Quoi donc vous arrive?

Dans l'interminable
Ennui de la plaine,
La neige incertaine
Luit comme du sable.

Стефан Малларме, «Послеполуденный отдых фавна»

Знаменитое стихотворение знаменитого поэта, послужившее появлению таких шедевров, как одноименная оркестровая прелюдия К. Дебюсси, которая считается энциклопедией музыкального импрессионизма, и одноактный балет

под тем же названием. Возможно, кому-то будет любопытно узнать, что в этом небольшом произведении могло так возбуждать воображение мастеров прошлого, чьи музыкальная и балетная иллюстрации до сих пор волнуют публику.

Написанная поэтом в 1865 году, задолго до его увлечения символизмом, поэма причудливо соединила в себе первородные инстинкты, жару и эротические фантазии. Недаром в 1874 году ее отказались публиковать, отчего свет она увидела только в 1876 году. В этой связи любопытно взглянуть на существующие русские переводы, а именно на те их места, которые в оригинале могли послужить причиной отказа. Я привожу здесь отрывки из двух переводов, которые фигурируют в списке признанных, и приглашаю вас подивиться способности так называемых художественных переводов искажать смысл переводимого до неузнаваемости, а в данном случае до безобидности. Налицо попытка сделать поэта куда более стыдливым, чем он был на самом деле, в чем вы легко можете убедиться, сравнив приведенные ниже отрывки с фрагментом моего перевода, начиная со слов «Бегу, как вдруг у ног...» до «Без жалости к слезам, какими пьян я был»

М. Талов:

«...Я прибежал; как вдруг ко мне (огнем томленья
Палимые, когда влюбленных жжет недуг)

Рук стаю вскинули сонливицы вокруг;
Их сжатий не разъяв, лечу я через чащи,
На солнце истощив весь запах роз пьянящий,
В лес, ненавидимый тобой, пустая тень,
Где нашим шалостям померкший равен день».
Тебя, гнев девственниц, люблю я, о улада
Нагого бремени, что уклониться рада
От знобких губ моих, как вздрагивает вдруг
Зарница! пьющих всласть плоти нагой испуг:
От ног безжалостной до сердца самой скромной,
Днесь проливаемый невинностию томной
В слезах иль в менее трагических парах.
«Тем согрешил я, что, преодолев их страх
Лукавый, гладь волос, взлелеянных богами,
Целуя, жадными я растрепал губами;
Бо вздумал я едва скрыть пламенный свой смех
В блаженных тайниках единой (среди потех
Лишь заградясь перстом, чтоб в робком ореоле
Страсть уяснив сестры, зажглась она, дотол
Еще стыдливая, наивная еще):
Как, от объятий вдруг освободив плечо,
Добыча вырвалась, лукавая поныне
И равнодушная к моей мольбе в пустыне».

Р. Дубровкин

«...Я подхватил подруг и, не разъединив
Переплетенных тел, укрылся под навесом
Не слишком строгих роз, чей аромат над лесом
К светилу яркому возносится сквозь тень:
Там наши пылкие забавы гасит день».

О ноша девственных взбешенных оболещений,
Укора твоего нет для меня священной,
Когда отчаянно ты губ моих бежишь,
Бледнее молнии, рыдаешь и дрожишь!
От ног бесчувственной наяды к сердцу томной
Передается дрожь и, вид отбросив скромный,
Она вдыхает хмель дурманных паров.

«Испуг предательский в душе переборов,
Лобзаний спутанных я разделяю гущи
И, раздражив Олимп, объятья стерегущий,
Упрятать тороплюсь самодовольный смех
В колени маленькой богини (без помех
Ей овладел бы я, но от сестры влюбленной
Не отнял – я все ждал, что пыл неуголенный
Переметнется к ней), кто думать мог, что вдруг
Добыча выскользнет из ослабевших рук,
Разъятых смутными смертями, не жалея
Похмельных слез моих. Смириться тяжелее
С неблагодарностью».

Сомневаюсь, что русского Дебюсси смогли бы вдохновить

«похмельные слезы».

Согласен – мой перевод тоже не подарок, однако в нем не в пример приведенным есть удачные и точные места.

Послеполуденный отдых фавна

Стефан Малларме (1842—1898)

Вот нимфы, я хочу их обессмертить.

Чист

Румянец легкий их, он в воздухе игрист,

Что дремлет в душных снах.

Но был ли сон мне мил?

Сомненье, хлам ночной, сплетенье зыбких сил,

Став чащею лесной, чей образ твердь набрал,

Доказывает мне, что я лишь почитал

Триумфом идеал фальшивый пышных роз.

Так-так...

Ужель те две, которых ты вознес

Предмет желанья есть чувств сказочных твоих!

Из глаз одной обман исходит, голубых

Холодных, как родник невиннейших из слез:

Другая, вздохов клад, составлена из грез,

Как теплый бриз, что днем твое руно обжил.

О, нет! От забытья недвижимого, без сил,

Чьей душною жарой хлад утренний убит,

Не слышен шепот вод и флейта не журчит

В лесу, что орошен аккордом; ветер лишь
Вне тех двух труб готов прочь улететь из ниш
Пред тем, как звук унять средь скудного дождя,
И к горизонту, где ни складки не найдя,
Бесхлопотен и зрим, притворно веет сам
Тем вдохновеньем, что стремится к небесам.

О, сицилийский край, где топь спокойно спит
Что с солнцем взапуски тщета моя громит,
Безмолвный средь цветов искристых, РАССКАЖИ
«Как укрощал тростник, чьи срезы так свежи
Талантом; где в златой, морской волны дали
Лоза благодарит кристальный дар земли,
Овечьей белизной колышется покой:
И как в напева гладь, что флейт рожден игрой
Лёт лебединый, нет! наяд, спастись спешит
Или нырнуть...»

Ленясь, мир в рыжий час горит
Не видя, как смогли все скрыться по кустам,
Желанной плевры рой, кто ищет ее ТАМ:
Тогда проснулся б я, пыл первый ощутив,
Безгрешен, одинок, свет древний отразив,
Единственный из вас в наивности благой.

То нежное ничто со звонкою губой,
Лобзанье, что без слов коварство убедит,

На девственной моей груди укус горит
Таинственнейший след от царственных зубов;
Но, хватит! То секрет наперсника богов
Тростник двойной, чью песнь лазури шлет игрок:
Кто, обратив в себя смущенье впалых щек,
Протяжным соло ткёт, лаская нас, невеж,
Окрестностей красу конфузом ложным меж
Красой и песней той, что слепо верим мы;
И взять так высоко, чтоб страсть, как от чумы
Покинула бы сон простой иной спины
Иль голый бок, а я б смотрел со стороны,
На громкий и пустой, и монотонный ряд.

Изволь же, инструмент, дырявой флейты лад,
На озере расцвести, где станешь меня ждать!
И, горд моей молвой, я буду обсуждать
Богинь; иконы взяв, что для простых мозгов,
С их тени удалять остатки поясов:
Итак, когда всосал я винограда свет
Чтоб скорбь мою прогнал притворства этикет,
Насмешник, к небу гроздь пустую я воздел
И, тяжело дыша в лучистых шкур предел,
До вечера смотрю, хмельной, сквозь небеса.

О, нимфы, вновь вдохнем мы в ПАМЯТЬ голоса.
«Мой взгляд, сверля тростник, все шеи обжигал

Бессмертные, и всяк ожог свой погружал
В волну, в лесное небо в ярости крича;
И влажный пир волос исчез вдруг сгоряча,
Дрожа средь бликов дня, о, самоцветов сонм!
Бегу, как вдруг у ног, сплетаясь в единый сон
(На счастье знатока, к их горю быть вдвоем)
Прелестницы лежат в сплетенье рук чудном;
Хватаю их, лечу, не расплетая тел,
В массив, что нелюбим листвою за свой удел,
Роз, отдающих весь свой солнцу аромат,
Как мы забавы дню, чей недалек закат»
Я обожаю гнев невинных дев, так дик
Восторг узнать нагой, священной ноши крик,
Что жарких губ моих бежит; как молний свет
Трепещет! Тайный страх есть в плоти, как запрет:
От пят тех, что строги, к сердцам тех, что добры
Коль покидает их невинность – все мокры
От горьких слез иль от не столь святых паров.
«Мой грех лишь в том, что я, их страхи поборов,
Лобзаньем разделил лохматый бугорок
Что боги берегли так крепко сжатым впрок;
И только я, едва мой жаркий смех сдержав
Над тайником одной (там палец мой прижав,
Наивность чтоб ее, не знавшая ланит,
Смятенье обрела сестры, чья плоть горит,
Наивное дитя, нет повода краснеть)

Как вдруг из рук, чью мощь взяла тугая смерть
Добыча уплыла, так не признав мой пыл,
Без жалости к слезам, какими пьян я был»

Что ж! К радостям меня другие увлекут
За косы, что к моим рожкам привяжут жгут:
Ты знаешь, страсть моя, что лопнет всяк гранат,
Пурпурным, зрелым став, и пчелы загудят;
И наша кровь, любя того, кто в плен возьмет
Туда, где рой страстей извечных потечет.
Лишь обретут леса цвет золотой золы
Воспламенится пир средь гаснущей листвы:
О, Этна! Где тебя Венера посетив
Невинною стопой на лаву наступив,
Грохочет жалкий сон, огнем едва дыша.

Богиню я держу!
О, кары!
Но душа
Никчемных слов и плоть, чьи силы не видны
Изнемогают от полдневной тишины:
И просто нужно спать в забвении хулы
Простершись на песке сухом, как из золы,
Открыв мой рот звезде, вину столь нужной днем!

О, нимфы, ваша тень моим уж стала сном.

Артур Рембо, «Пьяный корабль»

Вот стихотворение, которому досталось на своем столетидесятилетнем веку от переводчиков. Среди них достойные поэты, славные имена. Тем интереснее оценить их усилия с высоты нашего века. Сделаем это на примере нескольких катренов. Итак, катрен №1.

Набоков:

В стране бесстрастных рек спускаясь по теченью,
хватился я моих усердных бурлаков:
индейцы ярые избрали их мишенью,
нагими их сковав у радужных столбов.

Давид Бродский:

Те, что мной управляли, попали впросак:
Их индейская меткость избрала мишенью,
Той порою, как я, без нужды в парусах,
Уходил, подчиняясь речному теченью.

Евгений Головин:

Я спускался легко по речному потоку
Наспех брошенный теми, кто шел бичевой.
К разноцветным столбам пригвоздив их жестоко,
Краснокожие тешились целью живой.

Леонид Мартынов:

Когда, спускавшийся по Рекам Безразличья,
Я от бичевников в конце концов ушел,
Их краснокожие для стрел своих в добычу,
Галдя, к цветным столбам прибили нагишом.

Давид Самойлов:

Когда, от бечевы освободившись, я
Поплыл по воле Рек, глухих и непогожих,
На крашенных столбах – мишени для копья —
Кончались моряки под вопли краснокожих.

Бенедикт Лифшиц:

Когда бесстрастных рек я вверился теченью,
Не подчинялся я уже бичевщикам:
Индейцы-крикуны их сделали мишенью,
Нагими пригвоздив к расписанным столбам.

А вот дословный перевод:

Спускаясь по мирным рекам
Я вдруг не ощутил себя ведомым моими бурлаками:
Крикливые краснокожие сделали их мишенями
Прибив нагими к цветным столбам.

Как видим, расхождения начинаются с самого начала,

и это при нехитром содержании подстрочника. Ближе всех к нему В. Набоков. Если бы не коренной недостаток его перевода: он отступил от оригинального размера, делающего текст прихрамывающим, пьяным.

Возьмем третий катрен, посложнее:

Набоков:

И я, который был, зимой недавней, глуше
младенческих мозгов, бежал на зов морской,
и полуостровам, оторванным от суши,
не знать таких боев и удали такой.

Давид Бродский:

С быстротою планеты, возникшей едва,
То ныряя на дно, то над бездной воспрянув,
Я летел, обгоняя полуострова
По спиралям смещающихся ураганов.

Евгений Головин:

В клочкотанье приливов и в зимние стужи
Я бежал, оглушенный, как разум детей,
И полуострова, отрываясь от суши
Не познали триумфа столь диких страстей.

Леонид Мартынов:

Зимой я одолел приливов суматоху,

К ней глух, как детский мозг, проснувшийся едва.
И вот от торжества земных тоху-во-боху
Отторглись всштормленные полуострова.

Давид Самойлов:

В свирепой толчее я мчался в даль морей,
Как мозг младенца глух, уже другую зиму.
И Полуострова срывались с якорей,
От суши отделясь, проскакивали мимо.

Бенедикт Лифшиц:

Я мчался под морских приливов плеск суровый,
Минувшею зимой, как мозг ребенка, глух,
И Полуострова, отдавшие найтовы,
В сумятице с трудом переводили дух.

Подстрочник:

Среди свирепых плесков прибоев
Я, еще прошлой зимой глуше, чем детские мозги
Побежал. Сорвавшиеся с места полуострова
Не испытали более триумфальной беготни.

Здесь у нас две проблемы: как трактовать глухоту детских мозгов и к чему пристроить сорвавшиеся с привязи полуострова. Кто и как их решает судить вам. Надеюсь, вы оценили «И вот от торжества земных тоху-во-боху отторг-

лись всштормленные полуострова» и «оглушенного, как разум детей». Да разве может быть что-то яснее и точнее детского разума? Проще проигнорировать оригинал и сочинить свое, как это и сделал Д. Бродский.

Шестой катрен.

Набоков:

И вольно с этих пор купался я в поэме
кишащих звездами лучисто-млечных вод,
где, очарованный и безучастный, время
от времени ко дну утопленник идет,

Давид Бродский:

С той поры я не чувствовал больше ветров —
Я всецело ушел, окунувшись, назло им,
В композицию великолепнейших строф,
Отдающих озоном и звездным настоем.

Евгений Головин:

С той поры я блуждал в необъятной Поэме,
Дымно-белой, пронизанной роем светил,
Где утопленник, преданный вечной проблеме,
Поплавком озаренным задумчиво плыл.

Леонид Мартынов:

И окунулся я в поэму моря, в лоно,

Лазурь пожравшее, в медузно-звездный рой,
Куда задумчивый, бледнея восхищенно,
Пловец-утопленник спускается порой.

Давид Самойлов:

С тех пор я был омыт поэзией морей
Густым настоем звезд и призрачным свеченьем,
Я жрал голубизну, где странствует ничей
Завороженный труп, влеком морским теченьем.

Бенедикт Лифшиц:

С тех пор я ринулся, пленен ее простором,
В поэму моря, в звезд таинственный настой,
Лазури водные глотая, по которым
Плывет задумчивый утопленник порой.

Подстрочник:

И с тех пор я купался в Поэме моря,
Млечный и пропитанный звездами,
Пожирая зеленую лазурь, куда бледным,
Очарованным грузом порой сходит задумчивый утоплен-
ник.

Как видите, фантазия переводчиков порой просто неснос-
на.

Приведу для разнообразия двенадцатый катрен:

Набоков:

Уж я ль не приставал к немыслимой Флориде,
где смешаны цветы с глазами, с пестротой
пантер и тел людских и с радугами, в виде
натянутых вожжей над зеленью морской!

Давид Бродский:

А вы знаете ли? Это я пролетал
Среди хищных цветов, где, как знамя Флориды,
Тяжесть радуги, образовавшей портал,
Выносили гигантские кариатиды.

Евгений Головин:

О Флориды, края разноцветных загадок,
Где глазами людей леопарды глядят,
Где повисли в воде отражения радуг,
Словно привязи темно-опаловых стад.

Леонид Мартынов:

А знаете ли вы, на что она похожа,
Немыслимость Флорид, где с кожей дикарей
Сцвелись глаза пантер и радуги, как вожжи
На сизых скакунах под горизонт морей!

Давид Самойлов:

Вы знаете! Я плыл вдоль неземных Флорид,
Там, как цветы, глаза пантер, обличем сходных
С людьми, и, наклонясь, там радуга парит
Цветною упряжью для табунов подводных.

Бенедикт Лифшиц:

Я плыл вдоль берегов Флорид, где так похожи
Цветы на глаз пантер; людская кожа там
Подобна радугам, протянутым, как вожжи,
Под овидью морей к лазоревым стадам.

Подстрочник:

Я натолкнулся, знаете ли, на невероятную Флориду
Мешающую цветы с глазами пантер, у которых челове-
ская кожа!

Там радуги натянуты словно вожжи к морскому горизонту
К сине-зеленым стадам.

Примечательно, что трое из наших переводчиков сочли
нужным обыграть совершенно ненужное «знаете ли», вместо
того чтобы внятно обозначить фантастический образ радуж-
ных поводьев, управляющих стадами океанских валов.

К чему это я все? А к тому, что для понимания поэ-
тического замысла подстрочник порой оказывается предпо-
чтительнее рифмованных фантазий. Почему бы и нет? Ведь
тот же Рембо своими «Озарениями» доказал, что поэтика

не в рифме, а в особом состоянии текста. Зачем рифмовать то, что и так самодостаточно? Вообще говоря, иноязычный оригинал соотносится с его переводом как магнитное поле с электрическим током, который он индуцирует: одинаковые по природе они различаются по существу. Значит ли это, что всякий перевод заведомо обречен на несовпадение? Конечно, нет. Ведь электрический ток возбуждает свое поле. Надо только понимать, что это другое поле.

Ниже приведен мой перевод. Должен заметить, что оригинальный текст лишен той порой истеричной интонации, которую придают ему некоторые переводчики, демонизируя это произведение задним, так сказать, числом. В оригинале текст ближе к рифмованным записям в бортовом журнале, чем к исповедальному, как принято считать, повествованию. Этой мысли я и придерживался, стараясь не превосходить ту меру чувств, которой наделил его автор. Такой подход, как мне кажется, только подчеркивает современность нетленного стихотворения.

Безмятежной рекой плыл я вниз, и отныне
Был я впредь неподвластен моим бурлакам:
Их индейцы вопя превратили в мишени,
Пригвоздив их, нагих, к разноцветным столбам.

Мне плевать было, что на мне нет экипажа,
На английскую ткань и фламандцев зерно.
И когда бурлаков подтвердилась пропажа
Все течения рек мне сдались, как одно.

Средь ворчанья прибрежных завистливых вод,
Еще прошлой зимою глупей, чем дитя,
Побежал я! Часть суши не ведала б тот
Моей гонки триумф, вольный бег обрета.

С ураганом встречал я морские рассветы.
Легче пробки плясал я на гребнях валов,
Что несут свои жертвы по белому свету,
По ночам не жалел глупых глаз маяков!

Как неслышно в дитя яблок мякотью спелой
Зелень вод в мое тело сумела войти
Пятен рвоты, вина смыла след застарелый,
Вместе с якорем руль оторвав по пути.

И с тех пор я купался средь Моря Поэмы,
В млечно-бледном настое из звездных светил,
Пожирая лазурную зелень той бездны,
Куда бледный утопленник с миром сходил.

Где, как в чане, внезапно окрасив виденья,

Бред и мерные ритмы сияньем зари,
Крепче чем алкоголь, шире чем лиры пенье
Бродит горькое, рыжее тело любви!

Видел небо я в корчах от молний и смерчи,
Крах прибоев, закаты, течений разбег,
И рассвет пылкий, как голубиные речи,
И порой видел то, что не знал человек!

Солнца круг средь ужасных мистических пятен,
Освещавший полет фиолетовых стрел,
Как актеров тех драм, чей так возраст невнятен
Волн, катящихся вдаль словно дрожь мокрых тел!

Я мечтал насладиться неслыханным соком,
Чтоб проснулся огонь желто-синих певцов,
О зеленой ночи с ослепительным снегом,
Поцелуе из глаз океанских богов!

Месяца, как истерики тех, что неправы
Среди зыби на рифы вели напролом,
И подумать не мог, что ступни светлой Девы
Океанскую пасть укротят тихим сном!

Я задел берега бесподобной Флориды
Где нагие пантеры глядят сквозь цветы,

И дрожащей уздой сходят радуги в воды,
Где пасутся валов изумрудных гурты!

Видел топей бескрайних брожение, сети,
Где сгнивал в тростнике целый Левиафан!
Обрушение вод посреди мертвой зыби,
Водопады, спешащие в бездны капкан!

Ледники, жар небес, перламутра потоки!
В бухтах гиблых обломки судов на камнях,
Где гигантские змеи, чью плоть съели блохи
Осыпались с ветвей в черно-спелых духах!

Если б дети могли видеть мир разноцветный
Этих рыб, что поют среди вод голубых.
С колыбельною пеной цветов, кругосветный
Уносил меня ветер на крыльях своих.

Полюсов и широт утомленная жертва,
Море, с чьими рыданиями я засыпал,
Мне вздымало медуз, как плоды с поля жатвы
И как дева к причастию я замирал...

Словно остров, качавший на палубе ссоры
И помет птиц разбойных с глазами, как снег
Я все плыл, и в меня погружались сквозь дыры

На покой мертвецы, пятась задом во сне!

Я – корабль, что скрыт шевелюрою бухты,
Я штормами заброшен в эфир неживой
Не смогли б все корветы с фрегатами Ганзы
Изловить мой скелет, опьяненный водой.

Что свободу познав, воспарял фиолетом,
Пробивая как стену свод алых лучей,
Тот, что нес конфитюр драгоценный поэтам
Из лишайников солнца, лазури соплей;

Что безумной доскою стремился над бездной
Весь в гирляндах разрядов, в эскорте коньков,
Когда смерчи июлей, круша как дубиной,
Рвали ультрамарин грозových облаков;

Я, который дрожал, чуя стоны за сто лье
Бегемотов в любви и Мальстримов густых,
Вечно ищущий нег голубого покоя
Я Европы желал парпетов седых!

Звездных архипелагов скопление я знаю,
Острова, чье безумье небес манит в ночь:
В них, бездонных ли ты затаилась, благая,
Птиц златых миллион, о грядущая Мощь?

Но и плакал я, все ж! Все рассветы тоскливы.
Луны страшны и солнца горьки, как одно:
И от едкой любви я в хандре молчаливой.
Пусть же треснет мой киль! Пусть пойду я на дно!

Если воды Европы желать – это лужа,
Что черна, холодна, куда в терпкий закат
Хрупкой бабочкой мальчик, печаль свою теша,
Опускает корабль, чтоб вернулся назад.

Больше я не смогу в вас томиться, о волны,
Хлопковых их пенного следа лишать,
Мимо флагов и вымпелов плыть, спеси полных,
Ни под взглядом понтонов тюремных дрожать.

Жермен Нуво, «Немного музыки»

Стихотворение – это единство лексического, фонетического и ритмического. В оригинале это единство определено замыслом. Но поскольку в теории перевода в отличие от физики инструмента, подобного преобразованиям Лоренца не существует (поэзия не физика, уравнениям не подчиняется), то при переводе оригинала на другой язык (в другую систему координат) это единство, особенно лексическое и фонетическое, нарушается, а с ним и оригинальный замы-

сел. Критично ли это? Судите сами.

Классический перевод «to be or not to be that is the question» превращает распевное, раздумчивое, шестисложное «то би-и-и о нот то би-и-и» в рубленное, закрытое, пятисложное завывание «бы-ы-ыть или не бы-ы-ыть». Триединство нарушено, лексика, кряхтя, тащит на себе поэтический воз. Что можно сделать? Можно исправить ритмику (например: «Так быть или не быть, вот в чем проблема»), но не фонетику. Переводчик жертвует звуком ради смысла, при этом фонетический строй оригинала вынужденно заменяется другим. Но как быть, когда он принципиально связан с поэтическим замыслом? Пример: «Я вольный ветер, я вольно вею, волную волны, ласкаю ивы» (Бальмонт). Попробуем перевести это на французский: «Mois, le vent libre, je souffle a l'aise, remonte les vague, caresse les saules» (мыа лё ван либр, жё суфль а лез, рёмонт ле ваг, каресс ле соль). Как видим, вместе со звукописью из перевода исчезли пространство и полет. Можно, конечно, сосредоточиться на аллитерации, но это приведет к искажению лексики и смыслового строя.

Но бывают счастливые удачи, когда триединство удастся сбалансировать. Ниже приведен мой перевод стихотворения замечательного французского поэта Жермена Нуво «Немного музыки». Здесь не в ущерб оригинальной лексике сохранена переключка звуков «с» и «з», принципиально важных для создания соответствующего настроения. Можно ли бо-

лее выразительно изобразить летний приморский вечер и его звуки, модулирующие неумолчный звенящий треск цикад? Не на их ли гипнотический зов восходит Луна?

Строй любовного каприза
Под перстами гитариста
Вдруг проснулся мелодисто
С холодком пугливым бриза;

Где листвы тенистой риза,
Где остатки дня когтисты
Кружит, длится бархатистый
Томный вальс без вокализа.

Чую – воздух уступает,
В нем душа в экстазе тает;
В дымке цвета нежной розы

Средь ночи прелестней грезы
Диск луны бледней мимозы
Принимает молча позы.

Un peu de musique
Germain Nouveau (1851—1920)

Une musique amoureuse

Sous les doigts d'un guitariste
S'est eveillee, un peu triste,
Avec la brise peureuse;

Et sous la feuillée ombreuse
Ou le jour mourant resiste,
Tourne, se lasse et persiste
Une valse langoureuse.

On sent, dans l'air qui s'effondre,
Son ame en extase fondre;
Et parmi la vapeur rose

De la nuit delicieuse
Monte cette blonde chose,
La lune silencieuse.

Вечная любовь, III. Азнавур

Если перевод стихов и сопровождается вольностями, то до определенной степени. Другое дело – перевод песен. Здесь дозволено все. Нередки случаи, когда к музыке пишется новый текст, и самое печальное, что далекие от оригинала переводы становятся каноническими. Такова, в частности, судьба одной из самых пронзительных песен Шарля Азнавура под названием «Une vie d'amour», известная у нас

как песня из к/ф «Тегеран-43». Песня, безусловно, принадлежит к шедеврам песенного жанра, благодаря в первую очередь музыке G.Garvarentz'a, которая что под нее ни пой, пробирает до мурашек. Со словами же песни, написанными самим Азнавуром, большинство из нас знакомы в той невразумительной версии, в которой ее исполняют наши эстрадные певцы. И расхождения начинаются с названия.

Дело в том, что «вечная любовь» – это не точный, а скорее, условный перевод. А как на самом деле? Представьте себе жизнь в виде некой формы, заполненной веществом, именуемом любовью. Не частично, не наполовину, не на две трети и даже не на 99 процентов, а полностью, без остатка. Это и есть то, что автор понимает под «une vie d'amour». Любовь сумасшедшая, предсвадебная, раннемедовомесечная и на всю жизнь – вот что это приблизительно такое. Другими словами, вечная любовь может дополняться деньгами, профессией, досугом, друзьями, любовь же, которую имеет в виду Азнавур – нет. Тем не менее, мы, следуя традиции, назовем это вечной любовью, имея про себя в виду, что речь идет не просто о любви, а о любви ежеминутной, круглосуточной, всепоглощающей. Ниже приведен подстрочник:

Вечная любовь, которой мы поклялись
И которую время исковеркало день за днем
Ранит мои мысли.
Столько слов любви в наших сердцах,

Оглушенных рыдающими поцелуями,
Остались глухи ко всему,
Но ничего не изменили.
Так как «до свидания» не есть «прощай»
Я в сумасшедшей надежде полагаюсь на Бога,
Чтобы вновь увидеть тебя,
Вновь говорить с тобой, вновь поклясться тебе.

Вечная любовь, наполненная светлым смехом
Единственный путь, рвущий на части наш ад,
Идущий дальше, чем эта ночь, ночь всех ночей.

Вечная любовь, которой мы поклялись
И которую время исковеркало день за днем
Ранит мои мысли.
Столько слов любви кричали наши сердца
Дрожащих слов, слов помеченных слезами,
Последняя надежда расстроенных радостей.

Красочные рассветы, серые сумерки,
Все пройдет, умрет, но пламя оживет
Среди жары бессмертного лета, вечного лета.

Жизнь, наполненная любовью, жизнь, чтобы любить
Слепо, до последнего вздоха, в горе и радости,
Любовь моя, любить тебя снова и всегда.

Как видим, исходный пункт страданий героя – исковерканная временем любовь, то есть, слиток золота, от которого остались несколько граммов обручальных колец. Все остальное – поздние прозрения и заклинания, которыми он надеется вернуть любовь.

Переводов этой песни множество, и мой не лучше и не хуже прочих. Во всяком случае, имея подстрочник, придирчивый читатель имеет теперь возможность убедиться, насколько тот или иной перевод близок к оригиналу.

Вместе быть всегда
Друг другу дали слово, но года
Безжалостны к любви,
Что нам дана,
Боль несет она.
Сколько слов любви
Сквозь слезы на губах
Прорваться не смогли, оставшись
В сердце до сих пор
Как немой укор.
Быть с тобой пока
Не скажешь мне прощай,
Моей судьбе надежду обещаешь,
Иду к тебе
Чтобы тебе сказать

Слова той клятвы вновь.

Вечная любовь
В счастливом смехе дней
Одна ведет
Сквозь призраки ночей
И дальше, чем
Эта ночь,
Ночь всех ночей.

Жизнь прожить в любви
Однажды поклялись друг другу мы,
Но не смогли спасти
От черных дней
Память той весны.
Сколько слов любви
Кричали нам сердца,
Призывных слов, дрожащих, как слеза
Последний зов
Ее радостей былых.
Алый свет зари
И сумрак серый – все
Пройдет, умрет, но пламя оживет
Среди жары
Что дарит летний день
Бессмертный летний день.

Вечная любовь,
Любить до слепоты
Друг друга вновь
И до последних дней
Есть только ты,
Mon amour,
Лишь ты и я
Навсегда.

П Е Р Е В О Д Ы

Alphonse Allais (1854—1905)

Любовная жалоба

Мне ваша хищная краса,
Едва взглянул, пришлась по нраву
И ваши враз прочли глаза
Мою любовную отраву

Была ж нужда мне вас узнать
И в том доверчиво признаться
А вам надменно промолчать
Была ж нужда чтоб полюбил бы
Чтобы меня вам огорчить
И чтоб я все ж упорным был бы
И чтобы вас боготворил бы
Чтобы меня вам погубить

Complainte amoureuse

*Oui des l'instant que je vous vis
Beaute feroce, vous me plutes
De l'amour qu'en vos yeux je pris*

Sur-le-champ vous vous aperçutes

Ah! Fallait-il que vous me plussiez

Qu'ingenuement je vous le dise

Qu'avec orgueil vous vous tussiez

Fallait-il que je vous aimasse

Que vous me desesperassiez

Et qu'enfin je m'opiniatrasse

Et que je vous idolatrasse

Pour que vous m'assassinassiez

Guillaume Apollinaire (1880 – 1918)

Мост Мирабо

Под мостом Мирабо Сены сон

Мою любовь зачем напомнил он

Там радость вслед страданию был закон

Приди ночь пробей час

Уходят дни я среди вас

Сплета пальцы рук стоим молча мы

И под мостом наших рук проплывают

Вечные взгляды ленивой волны

Приди ночь пробей час
Уходят дни я среди вас

Любовь уходит как вода потока
Любовь уйдет как эта жизнь неспешна
И как Надежда все-таки жестока

Приди ночь пробей час
Уходят дни я среди вас

Дни идут и недели летят
Ни жизнь ни любви не вернуть назад
Под мостом Мирабо воды Сены не спят

Приди ночь пробей час
Уходят дни я среди вас

Le pont Mirabeau

*Sous le pont Mirabeau coule la Seine
Et nos amours faut-il qu'il m'en souvienn
La joie venait toujours apres la peine*

*Vienne la nuit sonne l'heure
Les jours s'en vont je demeure*

*Les mains dans les mains restons face a face
Tandis que sous le pont de nos bras passe
Des eternels regards l'onde si lasse*

*Vienne la nuit sonne l'heure
Les jours s'en vont je demeure*

*L'amour s'en va comme cette eau courante
L'amour s'en va comme la vie est lente
Et comme l'Esperance est violante*

*Vienne la nuit sonne l'heure
Les jours s'en vont je demeure*

*Passent les jours et passent les semaines
Ni temps passe ni les amours reviennent
Sous le pont Mirabeau coule la Seine*

*Vienne la nuit sonne l'heure
Les jours s'en vont je demeure*

Theodore Banville – (1823—1891)

Чай

Налейте чай мне, мисс Элен,

В цветную чашку из Китая,
Где манит рыбка золотая
Дракона розового в плен.

Люблю жестокость без причин
Химер, что держат, приручая:
Налейте чай мне, мисс Элен
В цветную чашку из Китая.

Там, красным небом озарен,
Лик дамы гордой и притворной,
В чьем взоре щелью бирюзовой
Экстаз с наивностью явлен.
Налейте чай мне, мисс Элен.

Le the

*Miss Ellen, versez-moi le the
Dans la belle tasse chinoise,
Ou des poissons d'or cherchent noise
Au monstre rose epouvante.*

*J'aime la folle cruaute
Des chimeres qu'on apprivoise:
Miss Ellen, versez-moi le the
Dans la belle tasse chinoise,*

*La, sous un ciel rouge irrité,
Une dame fière et sournoise
Montre en ses long yeux de turquoise
L'extase et la naïveté:
Miss Ellen, versez-moi le thé.*

Charles Baudelaire (1821 – 1867)

Превращения вампира

Ну, а дева, меж тем, ртом клубничным дразня,
Извиваясь совсем как на углях змея,
Сплющив грудь о преграду корсетных шнуров,
Изливала поток полных мускуса слов:
«Мои губы влажны, и мне ведом секрет
Как в кровати забыть благоденствия обет.
Сушит слезы моя триумфальная грудь,
Детский смех старику я умею вернуть.
Тем, кто видит меня без покровов, нагой
Заменяю солнце, небо и звезды с луной.
Мой ученый сухарь, я так в ласках сильна,
Когда в нежных объятьях душу шалуна,
Иль когда берегу от укусов мой бюст,
Так развратен и робок он, грузен и пуст,
Что на этих перинах, где царствует страсть

Даже ангел бесполой готов был бы пасть!»

И когда я испит ею был до костей,
И безволею томясь, повернулся я к ней
С поцелуем любви, как увидел я вдруг
Липкобокий, гнилой, полный гноя бурдюк!
Я зажмурил глаза, весь в поту гробовом,
И когда вновь открыл их при свете живом,
Там, где раньше всесильный лежал манекен,
Господин полнокровных, живительных вен,
Теперь смутно дрожал старый ветхий скелет,
Что как флюгер стонал низким тучам вослед,
Иль как вывеска лавки на ржавой стреле,
Ту, что ветер качает в ночной зимней мгле.

Les metamorphoses du vampire

*La femme cependant, de sa bouche de fraise,
En se tordant ainsi qu'un serpent sur la braise,
Et petrissant ses seins sur le fer de son busc,
Laissait couler ces mots tout impregnes de musc:
«Moi, j'ai la levre humide, et je sais la science
De perdre au fond d'un lit l'antique conscience.
Je seche tous les pleurs sur mes seins triomphants,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.